

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Февраль 1915 года.

5 февраля. Сегодня я сопровождал Ллойд-Джорджа на аудиенцию у президента республики; разговор касался исключительно англо-французской или просто английской военной экспедиции в Салоники, с целью скомпрометировать Грецию и убедить Румынию помочь Сербии против австро-германской атаки, грозящей ей разгромом; британское правительство держится мнения, что для ослабления германского нажима на севере надлежит попытаться ввести новые силы на Востоке. Венизелос предлагает контингент в 5000 человек. Китченер считает, что необходимо послать армейский корпус в составе двух дивизий численностью, если это будут британские войска, в 36 000 человек. Президент сказал, что он усматривает известные преимущества, дипломатические и политические, в предложениях, выдвинутых г. Ллойд-Джорджем, и что французское правительство запросит о мнении генерала Жоффра, взгляды которого, по его сведениям, разделяются генералом Фошем и сэром Джоном Френчем, но он явно не предсказывал этим, что генерал согласится выделить какой-либо контингент из своих армий, и добавил, что дипломатические и политические соображения, которые могли бы оправдать игнорирование французским правительством взглядов военных властей, должны быть весьма вески. Ллойд-Джордж обратил также внимание президента на целесообразность учреждения во Франции совета с участием представителей от французского, русского и британского главнокомандующих, дабы последние были осведомлены о намерениях и операциях своих коллег. В настоящее время нет достаточной координации между армиями союзников, что дает преимущество германскому командованию. Г. Пуанкаре, повидимому, отнесся одобрительно к этому предложению.

4 февраля. В виду того, что канцлер казначейства пожелал иметь беседу с Брианом, я пригласил их на обед в посольство сегодня вечером. После обеда Ллойд-Джордж, Бриан и я расположились в библиотеке, и я взял на себя роль переводчика. Ллойд-Джордж немного понимает по-французски, но недостаточно; то, что было сказано обоими министрами, можно было сказать в течение 20 минут, но беседа затянулась более чем на полтора часа. Со стороны Ллойд-Джорджа она заключалась

в повторении почти тех же аргументов, которые он выдвигал в пользу салоникской экспедиции в беседе с президентом. Бриан сказал, что около трех месяцев тому назад он предлагал это средство в целях ослабления германского нажима на Бельгию и Францию — он имел в виду франко-британский экспедиционный корпус, численностью в 40 000 человек, но французские военные власти были против этого, и кабинет отверг эту идею. Вчера, в результате представлений британского правительства и после совещания по телеграфу с генералом Жоффром, кабинет пересмотрел свое прежнее отрицательное решение и принял это предложение в принципе. Свой взгляд Бриан изложил следующим образом. Чтобы улучшить положение в Бельгии и на севере Франции, следует распространить кампанию на Балканы. Экспедиция британских и французских войск в Салоники с участием греческой армии и при давлении со стороны России несомненно втянула бы Румынию в войну и определила бы позицию Болгарии, у которой, быть-может, и есть обязательства по отношению к Австрии и Германии и даже к Турции, что представляется вероятным, в виду увода турецких войск и орудий из Адрианополя, но она едва ли стала бы соблюдать эти обязательства, если бы страна увидела, что болгарские интересы лучше обслуживаются тройственным согласием, нежели Австрией и Германией. Если бы русские войска высадились в Варне, или вступили бы в Румынию с согласия ее правительства, то королю и правительству Болгарии пришлось бы выбирать между совместными действиями с тройственным согласием и падением.

12 февраля. Уррутиа сделал мне сегодня визит и придет завтра к завтраку. Он с сожалением констатирует, что в Мадриде господствует определенно германофильское настроение; даже те, кто привыкли ездить в Англию, настроены в пользу Германии и уверены, что немцы дойдут до Парижа; королева чувствует себя очень несчастной, так как она ненавидит немцев. Передают, что король сказал: «Il n'y a en Espagne pour les alliés que moi et la canaille» (в Испании за союзников стою только я и разная сволочь).

15 февраля. Здесь существует партия, которая хочет послать представителя в Рим, чтобы убедить окружающих папу (не его преосвященство, так как он непогрешим и не нуждается в убеждениях) в том, что Франция борется за правое дело и победит, и чтобы убедить Квиринал (не короля, потому что он

уже убежден), что интересы Италии требуют единства с Францией и Англией. Делькассе против такой миссии, а Бриан за нее.

16 февраля. Сегодня днем меня посетил некий мистер Морган, американский журналист. Он выехал в пятницу из Берлина в Берн и Цюрих и прибыл в Париж в воскресенье. Он говорит, что германская ненависть по отношению к Англии проникла отчасти и в Соединенные Штаты; он уехал, ибо в такой атмосфере нельзя было сделать ничего хорошего. Он беседовал с Яговым⁽²¹⁾ относительно подводной блокады. Ягов заявил, что это не блокада, а лишь уведомление о том, что определенные зоны будут представлять опасность после восемнадцатого февраля, подобно тому, как опасны прогулки нейтральных между двумя вражескими траншеями. В настоящий момент, говорит мистер Морган, не может быть и речи о том, чтобы Германия сдалась. Когда он указал Ягову на то, как опасно проводить американское общественное мнение, подвергая опасности жизнь и собственность американцев, Ягов ответил, что Германия никого не боится и решила прибегнуть ко всем тем мерам, которые смогут нанести ущерб Англии, невзирая на последствия, вытекающие из этих мер для нейтральных. В Германии, думает м-р Морган, господствует взгляд, будто Америка уже сейчас старается сделать Германии как можно больше вреда, и что объявление войны с ее стороны не ухудшило бы положения, так как Америка не может добраться до Германии; вместе с тем она уже сейчас снабжает Францию и Англию оружием и военной амуницией, не настаивая, однако, на посылке продовольствия в Германию. Все свое внимание Германия обращает в настоящее время на восточную границу; немцы надеются разбить русских, а затем они намерены атаковать франко-британскую линию. По мнению м-ра Моргана, немцы начинают чувствовать тягостность приостановки продовольственного снабжения, которую они сами на себя навлекли безрассудным объявлением подводной блокады. М-р Морган является корреспондентом нью-йоркского «Metropolitan Magazine».

17 февраля. Делькассе очень смущен тем обстоятельством, что министр Самба присоединился к резолюции социалистической конференции в Лондоне:⁽²²⁾ это может повлечь за собою реконструкцию кабинета. Гед не участвовал в конференции. Извольский, которого я видел сегодня, в бешенстве по поводу выступления Самба. Акции социалистов понизились в настоящее время, и их легко можно удалить из кабинета, не вызывая

никакого движения в стране. Вчера я обедал в Кафе-де-Пари, где я не был уже несколько лет. Кафе было полным-полно. Много демимонденок, среди них некоторые со спутниками в хаки. Огни были погашены ровно в десять часов вечера. Кафе-де-Пари в настоящий момент самое людное место. Изредка довольно занятно посмотреть на *правы* военного времени, но для меня нет ничего более раздражающего, чем ночные сборища; я предпочитаю покой Ритца, если не обедаю дома. Ни одно из балканских государств не намерено выступить. Каждое по очереди заявляет: «Прошу вас, извините меня». Мотивировка — или «у нас нет оружия», или «мы не можем выступить, пока не выступят соседи», или «момент еще не настал», или «то, что вы предлагаете, недостаточно». Они ожидают решительной победы той или иной стороны — вот как в действительности обстоит дело. Все они хотят пантажировать друг друга и нас.

21 февраля. Меня тревожит, что наши офицеры и солдаты ведут себя слишком непринужденно в занимаемых ими квартирах. В замке Жоннара в Па-де-Кале офицеры индийских полков выпили все вина и старую водку, а погреб у Жоннара был превосходный; они даже приглашали его самого обедать и пить свои собственные вина! а их ординарды вбивали гвозди в тонкую деревянную обшивку стен, чтобы вешать одежду своих господ. Жоннар не жаловался, но эти акты возмутительны; мы называем немцев, которые так поступают, разбойниками и бандитами, и мне становится стыдно.

22 февраля. Морской атташе вернулся из Средиземного моря; моряк в восторге от перспективы разгрома дарданелльских фортов и занятия Константинополя. Если это случится, то произойдут большие изменения. Болгария, Греция и Румыния, как голодные волки, бросятся на умирающего турка, чтобы отхватить себе клочок, а турки повернут фронт и предадут своих друзей — гуннов. Я надеюсь, что общественное мнение в Англии и за границей заставит державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах москвичей в отношении Константинополя и проливов между Черным и Средиземным морями. Боюсь, что Грей в этом вопросе не занимает такой твердой позиции, какой я желал бы; я имею в виду интернационализацию по принципам режима Суэцкого канала: это не удовлетворило бы Извольского и его хозяина. Наше новейшее и крупнейшее судно «Королева Елизавета» в Дарданеллах; у нас там очень крупные силы.

Сюда занесена из Лондона сплетня о происходившем недавно «избиении» адмиралов, среди которых некоторые, но не все, невинновы; по этому поводу много ворчат.

24 февраля. Я давно подозревал поползновения Франции на Рейн, как границу с Германией, а также воцеления ее по части Сирии. Все это было подтверждено Делькассе в академической беседе сегодня вечером: Франция займет Майнц, Кобленц, Кёльн; Бельгия — Аахен. Сирия не представляет ценности, заявил он. Когда я спросил, почему же стремятся ею завладеть, он ответил, что здесь играют роль сентименты. Я не думаю, чтобы он знал о размерах русских претензий в отношении Константинополя и проливов.

Он высказал предположение, что мы, как всегда, захотим все взять себе, и спросил, что я готов предоставить Франции. Я ответил — Эльзас-Лотарингию и все, что не понадобится нам самим!

Он согласен, что было бы безрассудно оставить Гельголанд в руках Германии. Сегодня вечером я виделся с Титтони. Я заметил, что если Италия не выступит в ближайшем же будущем, то для нее может не оказаться добычи; он ответил, что имеются трудности, которые предстоит преодолеть, и он надеется, что это удастся. Трудности заключаются в недостатке вооружения и внутренних разногласиях. Делькассе говорит, что Италия располагает армией в 700 000 солдат, и что, как только Франция, Англия и Россия приблизятся к Константинополю, Болгария, Румыния и Италия захотят быть с нами, как с побеждающей стороной.

26 февраля. По нынешним временам ни о чем нельзя говорить. В «свете» только и говорят, что о балканской военной экспедиции Франции и Англии. Поговаривают о присоединении канадских и египетских войск к французской армии. Если это так, то следовало бы сделать это поскорее, чтобы форсировать выступление Болгарии и Румынии. Здесь все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится впереди Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы московит не имел возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Март 1915 года.

2 марта. Делькассе сказал мне сегодня утром, что Германия делает энергичные попытки оторвать Россию от ее союзников; он говорит, что это ей не удастся. Однако, я отмечаю некоторую нервность, которая усилится, если Россия будет недовольна позицией Франции и Англии по константинопольскому вопросу.

5 марта. Я встретил Извольского, ожидая на приеме у Делькассе. У Извольского и его хозяина закружились головы — надутые головы, надутые ноги, все надутое. Общественное мнение будет выдвигаться в России в качестве оправдания всякого рода нелепых требований, что восстановит против России Румынию, Болгарию, Грецию, Италию и, как мне думается, общественное мнение в Англии и Франции.

6 марта. Известия о Дарданеллах благоприятны. Комичное зрелище — небольшое русское судно в Средиземном море, присоединившееся к крупным бомбардирующим судам Англии и Франции только для того, чтобы засвидетельствовать свое присутствие.

12 марта. Мне передают, что некоторые из наших высоко стоящих военных сомневаются в успехе нашей атаки на Дарданеллы, если она не будет поддержана *крупными* сухопутными силами.

14 марта. Во время продолжительной вечерней прогулки в Во я имел беседу с Мёррей-оф-Элибанком. По его сведениям, делаются подозрительные шаги к организации партии, которая будет настаивать на заключении мира раньше, чем война будет доведена до конца; в состав ее войдут пацифисты, германофилы, квакеры и часть рабочей партии; член парламента Томас⁽²³⁾ используется правительством для противодействия этому движению.

20 марта. Дела под Дарданеллами идут не так хорошо, как мы надеялись: течение очень сильно, и пловучие мины, пускаемые немцами, представляют новую опасность, против которой еще не найдено надлежащее средство.

27 марта. Делькассе сделал в комиссии палаты по иностранным делам сообщение по вопросу о Константинополе и проливах; ничто не держится здесь в тайне так же, как и в Лондоне. О дарданелльской экспедиции было известно только узкому

кругу лиц, но Луи Малле услышал о ней во время обеда от Луи де-Ротшильда, узнавшего эту новость от Альфреда де-Ротшильда, который, в свою очередь, мог подписать ее во время ежедневных своих визитов к Китченеру в военном министерстве на Даунинг-Стрит 10. Секретов сейчас не существует. Я знаю только одну женщину, которая не болтает.

28 марта. Мне сообщили подробности о разъяснениях, сделанных в комиссии по иностранным делам. Более чем неделю тому назад Делькассе сообщил комиссии, что Франция «приняла формальные обязательства» по отношению к России и ее желания касательно Константинополя. Комиссия высказала признаки серьезного недовольства. Два члена комиссии, из них один — Дени Кошен, заявили решительный протест — последний, быть-может, отчасти с точки зрения католика — против того, чтобы св. София оказалась в руках православных. Делькассе указал тогда, что Франция получит Александретту! Греху приписывают следующие слова, якобы сказанные им Камбону, когда вопрос этот обсуждался между ними: «Но вы, ведь, не станете требовать от меня признания Александретты за часть Сирии?». Осенью Делькассе говорил депутатам о Палестине, но в последний раз он не упоминал о ней; из этого депутаты заключили, что Россия ставит препятствия в этом пункте. Предполагают, что во время посещения президентом республики Петербурга, в июле 1914 г., русскому правительству дана была надежда, и, быть-может, больше чем надежда, что французское правительство не будет возражать против передачи Константинополя во владение России. Многие французские общественные деятели ожидают, что Англия станет возражать против того, чтобы британские и французские силы заняли Константинополь раньше русских, для гарантии хорошего поведения России. Здесь существует авторитетное мнение, что имея, Россию на Кавказе, на Босфоре и на северном конце Багдадской железной дороги, Англия окажется выданной на произвол России в Месопотамии.

Сазонов обнаруживает полную меру глупости. Он воображает, что победа русских под Перемышлем делает его диктатором.

29 марта. Сегодня утром здесь был Эшер. Он намерен посетить Френча в субботу. Он рассказывает, что английские рабочие, занятые в производстве снарядов, так высоко оплачиваются, что отказываются работать более четырех дней в неделю. Я боюсь, что запрещение крепких напитков может

вызвать беспорядки. Положение очень затруднительно. Найдут ли в себе правительство смелость, чтобы принять *временную* воинскую повинность, дабы мобилизовать и подчинить военным законам непокорных рабочих? При таких затруднениях, какие мы теперь переживаем, принципы должны быть выброшены за борт, несмотря ни на какие издевательства политических противников.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Апрель 1915 года.

2 апреля. Итальянские газеты публикуют цену, которую Италия хочет и рассчитывает получить за свою честь. Оттеснить Австрию от Адриатического моря значило бы толкнуть ее в объятия Германии или какого бы то ни было иного государственного образования, которое окажется на месте Германии после войны, и в то же время выдать ее на милость России, так как, вместо прямого выхода к морю, у нее останется лишь выход в Черное море через Дунай или путь через Германию к Балтийскому и Северному морям, если ей только не будет предоставлено право прохода в Триест через итальянскую территорию. Мне думается, что было бы очень ошибочно доверять России и Италии и сделать первую владычицей Черного моря, а вторую сильнейшей державой в Адриатике.

7 апреля. Я получил от Делонкля, — он не играет сейчас политической роли, но знает, что говорят в публике, — меморандум о Константинополе и проливах. В нем говорится: «Недостаточно подготовить и завоевать победу дорогой ценой, но надлежит обеспечить ее будущее. Между тем, забота об этом будущем, повидимому, со слишком легким сердцем откладывается руководителями общественного мнения. Тезис союзнической прессы заключается в том, что следует разрушить германскую империю, создать государство польское из части Восточной Пруссии и Силезии, из русской Польши и Галиции, вернуть Триест и Трентино Италии, увеличить Сербию, дав ей Боснию и Герцеговину, Хорватию и Далмацию вплоть до Триеста, и по исправлении границ Румынии, Болгарии, Сербии и Греции, *оставить Константинополь России*».

Обсудив вопрос об образовании Польши и стоящие на этом пути трудности, он говорит: «Беспокойство возрастает, когда видишь,

что святейший синод близок к осуществлению своих давних мечтаний о проникновении на Западе, посредством Сербии, до Адриатики, и на востоке — до Константинополя».

Он протестует во имя цивилизации против позора, каким явилось бы господство синода над Полой и Стамбулом, нашествие славян на Адриатику, греческий крест на воротах Рима и Россия, в роли владычицы Константинополя господствующая над Румынией, Болгарией, Грецией и Анатолией, проникающая вплоть до святых мест, угрожающая Суэцкому каналу и держащая в своих руках два пункта Багдадской железной дороги, т.-е. Скутари в Малой Азии и Кавказ. Вся работа Англии и Франции на Западе оказалась бы бесцельной, не было бы более свободного Средиземного моря, и пришлось бы совместно с остатками Германии ковать новое оружие против гегемонии, которую трудно было бы одолеть.

Далее он говорит о необходимости противодействовать замыслам св. синода. «Будет ли Восток русским или международным?» Так стоит вопрос. Международный режим был бы осуществлен Англией, Францией и Россией совместно; две первые державы смогли бы установить по своему усмотрению режим справедливости, потребовав после совместного занятия Константинополя совместного же управления как в Константинополе, так и в Иерусалиме, создания в Адриатике государства, гарантирующего против св. синода, и, наконец, восстановления действительно независимой Польши.

«Ради такого дела готовы притти в движение все либеральные и революционные силы Европы. Неужели Англия здесь впервые не окажется во время на месте???»

8 апреля. То тут, то там, и вообще повсюду, Винстон Черчилль поступает опрометчиво: его импульсивность — прямое несчастье. Как мне передают, недавние действия судовой артиллерии против Дарданельских фортов произвели на него такое сильное впечатление, что он готов был приказать бомбардировку Гельгоlanda и Куксгавена, совершенно забывая о том, что там имеются германские суда для поддержки обороны берегов, тогда как у турок нет ничего сколько-нибудь значительного, за исключением надувательских «Бреслау» и «Гёбена».

9 апреля. Превосходно будет, если изданное королем запрещение «пить» во дворце приведет к большей умеренности в этом отношении среди рабочего люда. Но мне кажется, что

опасной и глупой была бы попытка прекратить законодательными или административными мерами потребление питей — считая и пиво — рабочими. Это вызвало бы очень сильное недовольство; если не больше. Более того, в силу привычки и, в некоторых случаях, в силу конституциональных особенностей алкоголя в той или иной форме или пиво почти что необходимо. Если сокращение пьянства абсолютно требуется интересами национальной безопасности, и питейные дома должны быть закрыты, то на нанимателей рабочих следовало бы возложить обязанность выдавать ограниченное количество питей тем рабочим, которые потребуют этого, и вычитать стоимость этих питей из заработной платы.

15 апреля. Люди, приезжающие из Англии, передают о царящем там угнетенном настроении; здесь господствует твердая уверенность.

17 апреля. Вечером я встретился за обедом с Пирпонтсом Морганом. Я узнал от него, что полковник Гауз ⁽²¹⁾ понимает, что еще не наступило время для американского вмешательства. Присутствовавший на обеде м-р Гаррет заметил, что если бы скупили весь урожай хлопка в Соединенных Штатах, то это обошлось бы нам меньше, чем одна неделя войны, и явилось бы хорошим помещением капитала в двух смыслах: мы лишили бы Германию средств для производства взрывчатых веществ и имели бы запас для собственного потребления или продажи после войны. Титтони говорит, что Италия готова присоединиться к нам.

27 апреля. Сегодня утром я встретился с Руссоли. Я спросил его, как он себя чувствует; он посмотрел удивленно, так что мне пришлось сказать: «быть-может я ошибся, но я думал, что вы не спали сегодня ночью!». Я полагаю, что он очень глуп, — ведь, он не может не знать, что с Италией дело сделано.

Я видел Делькассе сегодня днем. Все либо хотят больше, либо отказываются от своих обещаний: аппетиты Румынии выросли, сербы, в виду плохого поведения Болгарии, берут обратно свои обещанные уступки Болгарии, которая хочет больше, чем кто-либо согласен ей дать. Греки говорят, что если мы хотим их присоединения, то должны быть готовы предоставить 400 000 человек или больше! Между тем Греция подбивает сербов напасть на Далмацию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Май 1915 года.

2 мая. Стид, редактор иностранного отдела «Таймса», посетил меня сегодня утром.

Стид, который хорошо знает Адриатическое побережье, — он был корреспондентом «Таймса» в Вене, — говорит, что из территорий, требуемых Италией, только западное побережье (вернее узкая полоса) Истрии населено итальянцами, все же острова и Далмация, а также большая часть Истрии имеют хорватское население и язык.

В Лиссе есть небольшая итальянская колония, состоящая из рыбаков. Для обоснования своих претензий итальянды восходят к временам республики Венеции (600 лет тому назад) и даже к писаниям Плиния! Если Италия получит то, чего она добивается, то это будет основано не на национальных, а на чисто стратегических соображениях. Если Австрия будет разумна, говорит Стид, то в момент, когда неизбежность войны станет очевидной, она освободит хорватских вождей, находящихся в заключении с начала войны: хорватские части австрийской армии охотно будут драться с итальянцами, которых они ненавидят гораздо больше, чем своих нынешних правителей. Несколько времени тому назад австрийцы считали войну с Италией неизбежной. Австрийские позиции на итальянской границе требуют со стороны атакующих немалого труда, быть-может, превышающего силы итальянской армии. По мнению Стида, Делькассе в отчаянии от общего положения, а Жоффр и Френч сердятся, что им урезают подкрепления ради дарданелльской экспедиции.

Мортира, бомбардировавшая Дюнкирхен, находится от этого города на расстоянии $22\frac{1}{2}$ миль!

5 мая. Немцы утверждают, что они приближаются к Риге со стороны Либавы; русский военный атташе, с которым я встретился вчера вечером за обедом, назвал это набегом в форме кавалерийского рейда, который не имеет военного значения и не приведет ни к чему. Я подозреваю, что дела обстоят не совсем удовлетворительно как в этом случае, так и в Галиции. Все союзники *in spe* занимают позицию, которую можно выразить словами: «Прошу уволить меня, если вы не пообещаете

гораздо больше, чем я просил несколько времени тому назад». Все они мастера петь и все они подозрительны, и не без основания.

8 мая. Италия бесповоротно решила отдать свои прелести своим поклонникам, но, подобно Ромео и Джульетте, она не дает до сих пор *определенного* ответа на вопрос «когда и где».

Как будет реагировать правительство Соединенных Штатов на новейшее преступление гуннов — на потопление «Лузитании»? ⁽²⁵⁾ Мы здесь еще не знаем, сколько человек было потоплено и сколько среди них американцев. Хотелось бы знать, пойдет ли Вильсон дальше протеста против потопления американцев, находившихся на «Лузитании».

9 мая. Я не думаю, чтобы война между Соединенными Штатами и Германией дала нам какое-нибудь преимущество, так как американцы не в состоянии еще активно помочь на поле сражения, а между тем они стали бы добиваться участия в установлении условий мира.

14 мая. Повидимому, Джиолитти намерен свергнуть кабинет в Италии. Он считал себя незаменимым, когда покидал свой пост, и не может вынести мысли, что Италия предпримет что-либо серьезное без его участия: помимо того, вероятно, что он подкуплен Бюловым. Он надеется, что располагает большинством в парламенте, и что голосование произойдет в согласии с его желаниями. Между тем, агитация и демонстрации в пользу войны в разных местностях Италии могут послужить предметным уроком для палаты и заставить ее поплыть по течению: если принято будет предложение министерства воздержаться от войны или вотум палаты против войны, то что останется от обещаний и подготовки к войне? ⁽²⁶⁾

21 мая. Военный корреспондент «Таймса» своими разоблачениями неверных сообщений Китченера относительно достаточности снарядов, как видно, вызвал кризис кабинета.

Я опасаясь, что политика Винстона будет продолжаться в кабинете. Здесь против него имеется серьезное недовольство из-за того, что он начал морскую атаку Дарданелл, не имея достаточно военных резервов. Французский адмирал, командующий флотом в Адриатическом море, согласился дать в виде подкрепления лишь несколько старых судов, так как считает все предприятие необдуманным и весьма рискованным.

24 мая. Итак, Италия находится в состоянии войны. Король объявил об этом вчера.

26 мая. Я опасаясь, что русским недостает амуниции. Великий князь — главнокомандующий отказался в первые дни войны от предложенных ему 5 000 000 снарядов под предлогом, что в конце войны окажется излишек. Сейчас он не знает, откуда их взять. Теперь он уполномочил Китченера получить то, что следует, из Америки, но на это уйдет время. Мы, повидному, обречены на вторую зимнюю кампанию.

28 мая. Дело, по которому обращался ко мне Мильеран, заключается в следующем: Ллойд-Джордж хочет, чтобы Тома, депутат-социалист, недавно назначенный на должность субсекретаря по наблюдению за производством военного снаряжения, отправился в понедельник в Лондон, в сопровождении военного директора артиллерийского управления и г. Рено, чтобы научить там привлечению частных промышленных заведений к производству снарядов. Такая просьба не может быть оправдана: неделя пять или шесть тому назад комиссия Ллойд-Джорджа, в целях получения информации по этому поводу, послала двух джентльменов для обследования; им были предоставлены все льготы; они посетили предприятия Рено и другие частные заводы, получили все необходимые сведения и вернулись вполне удовлетворенные. Теперь Ллойд-Джордж «по-русски» хочет начать дело сначала и оторвать людей от их работы во Франции. Мильеран, естественно, не может обойтись без французов, о которых идет речь: чиновники не могут бросить свою работу, а Рено должен ежедневно участвовать в совещаниях по обороне в военном министерстве. Если Ллойд-Джордж и его комиссия не удовлетворены информацией, доставленной гг. Нуаром и Лобнитцем, то они могут прислать других экспертов, которым будут здесь предоставлены все льготы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Июнь 1915 года.

1 июня. Ни Румыния, ни Греция, как видно, не намерены выступить сейчас; мы не одержали еще достаточного успеха у Дарданелл, чтобы подбодрить их, а отступления и поражения русских было достаточно, чтобы их обескуражить.

Мне передают, что «в надлежащий момент» Винстон Черчилль докажет, что не он ответствен за дарданелльский план и его неудачу.

24 июня. До меня дошли слухи, что в некоторых провинциях народ рошдет, требует мира, и контролеры в некоторых крупных предприятиях предсказывают революцию, если мир не будет заключен. Я произвел обследование в ряде мест и узнал, что кой-где крестьяне ворчат из-за недостатка рабочей силы для сбора хлебов, но что хлеб все-таки будет собран, отчасти женщинами и детьми. Слухи, распускаемые заводскими контролерами, рассматриваются как пустая болтовня. Наша политика по отношению к балканским государствам оказалась сплошной блестящей неудачей.

27 июня. Я отказался от поездки в Диепп, так как на Валентина Чайроля возложена специальная и секретная миссия в Афинах, Нише, Бухаресте и Софии, и я должен повидаться с ним в субботу, чтобы разъяснить ему точку зрения Франции, которая соответствует постоянно меняющейся позиции России. Грей считает, что постоянно возрастающие предложения принуждают малые государства сойти с безопасных высот нейтралитета в долину битв и риска. На мой взгляд, они не сдвинутся с места раньше, чем мы займем проливы и Константинополь, а русские начнут продвигаться, вместо того, чтобы отступать.

29 июня. Вчера был здесь Эшер; я не видел его — настроен он очень пессимистично. Он объехал армии и после того стал говорить даже о возможности возвращения посольства на осенние квартиры. Он считает, что прорыв нашего расположения превосходными силами немцев вполне возможен. Кого можно упрекнуть за это? Очевидно, никого из членов кабинета. Делькассе очень обеспокоен военным и политическим положением. В России газеты ревут о недостатке помощи со стороны Франции и Англии!

30 июня. Что делает Болгария? Она осведомляет Германию и Австрию о тех предложениях, которые ей делаются со стороны четверного Соглашения. Фердинанд радуется каждому поражению России и содрогается при каждом успехе западных держав: за последнее время ему мало от чего приходилось содрогаться. Румыния до сих пор остается в нерешительности и ждет, чтобы Россия повысила цену.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Июль 1915 года.

2 июля. Французы настроены критически по отношению к нам. Нас считают ответственными за дарданелльскую неудачу, что безусловно верно. Мы потеряли страшно много людей и несколько судов. Французская публика считает, что мы занимаем недостаточно большую часть фронта и что мы недостаточно активны; даже в правлении компании Суэцкого канала делались саркастические замечания по поводу того, что Френч спокойно живет в комфортабельном доме, уделяя часть своего времени уходу за цветами! По стране прокатывается волна пессимизма, так как ожидания, что война закончится самое позднее осенью, оказались необоснованными, и публика видит неизбежность еще одной зимней кампании в траншеях, при этом, весьма вероятно, не на германской территории. Для некоторых это является очень большим разочарованием; нужно найти козла отпущения — почему бы не в лице Альбиона? Он не торопится закончить войну, прежде чем приняты меры для захвата германской торговли, так говорят жалующиеся французы! Не думаю, чтобы могло последовать с нашей стороны сколько-нибудь серьезное наступление во Фландрии, пока не выяснился окончательно успех или неудача дарданелльского предприятия.

4 июля. В высоких кругах здесь начинают поговаривать о политической необходимости победы для поднятия духа публики, так как перспектива провести зиму в траншеях угнетающе действует на общественное мнение и вызывает проклятия со стороны малодушных. Нас считают ответственными за фиаско в Дарданеллах, так как Винстон Черчилль уговорил Оганьера участвовать в экспедиции, план которой не был надлежащим образом продуман. Нам нужен крупный успех в Дарданеллах, чтобы обеспечить наше положение в Египте и в Индии; французам нужна победа во Фландрии, чтобы обеспечить положение кабинета и репутацию Жоффра. Боюсь, что оба эти стремления могут привести к поспешным действиям.

Болгария делает то же, что и остальные: ждет, чтобы увидеть, какая сторона является более вероятной победительницей, и сколько можно путем обещаний вырвать у каждой из них. Если бы мне пришлось решать вопрос о линии поведения России, то я посоветовал бы отдать Бессарабию Румынии, пообещать ей Буковину,

Трансильванию и от Баната столько, сколько она сможет усвоить. Судьба Константинополя, Босфора и Дарданелл должна быть решена всеми заинтересованными державами совместно, т.-е. Россией, Румынией и Болгарией, как прибрежными государствами, и Англией, Францией и Италией. Греция вела себя недостаточно хорошо, чтобы и ее привлечь к совещанию. Грецию мы можем держать в руках при помощи наших морских сил. Впрочем, Россия всегда уступает слишком поздно, когда уступки не имеют уже цены.

6 июля. Господин Мак-Кормик, совладелец и главный редактор «Чикаго Трибюн», повидимому, не рассчитывает на то, что удастся вторгнуться в Германию и нанести ей решительное поражение, и полагает, что все бои на севере Франции и на русском фронте окончатся как бы в ничью. Что касается поставок оружия и военного снаряжения союзникам со стороны Соединенных Штатов, то он опасается, что американским немцам и нанятым ими газетчикам, быть-может, удастся добиться запрещения вывоза оружия и т. д. Поднимется агитация и крики, что безнравственно снабжать союзников средствами для убийства немцев. Я сомневаюсь, чтобы американскую публику можно было убедить отказаться от прибылей, даваемых поставками оружия и т. д. Такого рода поставки являются вполне законной торговлей для отдельных лиц, рискующих тем, что их оружие и т. д. может быть перехвачено кем-либо иным из участников войны.

8 июля. Вчера я видел одного румына, только что прибывшего из Бухареста, кузена здешнего посланника и Лаговари, вождя части консервативной партии. Он заявил себя решительным сторонником выступления Румынии совместно с нами, при условии, что последние предложения России будут гарантированы остальными союзниками; однако, Румыния не может одна противостоять удару австро-германского наступления. Россия должна быть готова принять участие во вторжении в Австрию, чего она в настоящее время, повидимому, не в состоянии сделать. В первый период войны, когда Россия с успехом вторглась в Австрию, но в то же время нуждалась в помощи со стороны Румынии, она с пренебрежением относилась к румынским условиям, теперь, попав в тупик, она становится благоразумнее и, повидимому, готова уступить то, что ей на деле вовсе не принадлежит, — Буковину, Трансильванию и Банат. Однако, после опыта 1877 г. ⁽²⁷⁾ для Румынии были бы желательны лучшие гарантии, нежели слово России.

9 июля. Уволенный управляющий заказами военного министерства допрашивался относительно недостатка орудий; его спросили, между прочим, почему он отменил крупный заказ, данный Шнейдеру. Он ответил, что налицо было слишком много орудий, и что нет смысла снабжать ими полевую армию, так как они разрываются при употреблении! Эти показания он дал в заседании финансовой комиссии палаты. 5000 орудий были захвачены немцами.

13 июля. Сплетня, рассказанная мне сегодня одним русским, утверждает, будто герцог Гессенский отправился в Россию: предполагают, что он намерен сделать попытку отвлечь своего шурина от франко-британского соглашения, что дало бы возможность заключить мир между Германией и Россией.

14 июля. Итальянцы надеются, что не будет второй зимней кампании, это довольно смешно! Они не объявили войны ни Германии, ни Турции, по причинам, известным им одним; тем временем, в виду отсутствия состояния войны с Германией, немцы ездят в Италию и обратно, сколько им угодно. Есть опасения, что австрийцы ворвутся в Италию.

17 июля. В свете ходят слухи, что отношения между Извольским и Сазоновым натянуты: говорят, что недавно Извольский указал Сазонову на целесообразность пойти на крайние требования Румынии, чтобы заручиться ее военной поддержкой. Один раз в жизни он оказался правым, но Сазонов посоветовал ему помнить, что он не является министром иностранных дел, и заниматься своим делом.

Забастовка углекопов в Уэльсе ⁽²⁸⁾ приобретает очень серьезный характер. Что может сделать правительство и что оно сделает? Как покрыть крупный ежедневный убыток? Нельзя же засадить в тюрьму тысячи людей, даже в том случае, если бы невыработка каралась тюремным заключением, и в то же время вы не можете заставить людей работать. Если бы углекопы из соседних округов захотели бы работать в Южном Уэльсе, что мне представляется очень сомнительным, то дело, вероятно, дошло бы до сопротивления и кровопролития. Смогло ли бы правительство справиться с такой ситуацией, приказав солдатам стрелять по забастовщикам? Я в этом сомневаюсь.

21 июля. Русские, подобно Бурбонам, ничего не забыли и ничему не научились; они продолжают до сих пор говорить: «этого мы не хотим, то нам нужно, этого мы не позво-

лим и т. д.». Несколько месяцев тому назад они относились к Румынии с пренебрежением, а теперь румыны не хотят сдвинуться с места. Когда русские возобновят наступление, румыны с удовольствием присоединятся к ним, пока же они будут выжидать.

22 июля. Падение Варшавы представляется почти неизбежным, и, в лучшем случае, можно надеяться на то, что русская армия не будет окружена немцами. Извольский очень угнетен.

25 июля. Донэ, член одной из комиссий сената по иностранным делам, сказал вчера Ли, что единственной причиной отсрочки подписания соглашения с Румынией является неуверенность относительно возможных событий в России. Имеются сведения о том, что движение в пользу мира растет в России; здесь, несомненно, есть беспокойство о судьбе русской армии на фронте, а также о событиях внутри России, где, как предполагают, разрастается революционное настроение. По смыслу соглашения, подписанного 4 или 5 сентября, Россия не может заключить мира отдельно от союзников, но некоторые думают, что Россия может отнестись к этому соглашению «по-немецки», как к клочку бумаги.

26 июля. Британский офицер, возвращающийся домой с Дарданелл, говорит, что мы сможем форсировать их в сентябре месяце, если нам удастся приостановить провоз оружия и т. д. в Турцию через Румынию и Болгарию.

Мне передают, что большое количество оружия и снаряжения прибыло в Россию. Однако, если не считать германского сообщения сплошным ложным, то оказывается, что русские потеряли и продолжают терять огромные количества запасов во время отступления под давлением германских армий. Французы не верят в возможность русского наступления через несколько месяцев, и они также угнетены и разочарованы медленными успехами под Дарданеллами. Я не могу поверить, чтобы Америка стала воевать против кого-либо. Вильсон будет писать высоко-моральные ноты, одинаково неприятные для Германии и для Англии; однако, он должен быть в хороших отношениях с гражданами, заинтересованными в хлопке, и если бы мы объявили хлопок абсолютной контрабандой, мы нанесли бы ущерб интересам хлопководов, и Вильсон смог бы отплатить нам приостановкой вывоза оружия и снаряжения — под предлогом, что они нужны Америке для собственного употребления. Мы не

можем установить действительной блокады Германии из-за германского подводного флота, а американцы утверждают, что поскольку продолжаются торговые отношения между Скандинавией и Германией, фактически блокада Германии не существует, и что мы не имели права препятствовать торговле между двумя или несколькими нейтральными государствами, т.-е. между Америкой, Норвегией, Данией и Швецией, даже в том случае, если товары, выгруженные в одном из этих нейтральных государств предназначены к отправке в Германию. Правда заключается в том, что Америка велит превосходную торговлю одной частью товаров и сокращенную — другой, и она хочет вести превосходную торговлю всеми товарами так, чтобы одна отрасль торговли не имела преимуществ за счет другой: она хочет иметь свой пирог и кушать его спокойно. Быть-может, нам следует сделать какие-нибудь приготовления для скупки части будущего урожая хлопка; затруднения заключались бы в установлении количества и цен, так как потребление хлопка, за исключением военного, уменьшается во всех странах, ведущих войну. Взять ли нам хлопок в размере нормального потребления Германии и Австрии или весь американский излишек? Они говорят много вздора по поводу свободы морей; между тем, во время войны между Северными и Южными Штатами, Север объявил южный хлопок контрабандой. Была объявлена блокада побережья на протяжении около 3000 миль. Недовольство нами, господствующее в части французской публики, о котором сообщают некоторые люди, и которое распространяется сплетниками, преимущественно женщинами и бездельниками-мужчинами, не обосновано; но здесь считают, что мы могли бы занимать большую часть фронта во Фландрии, что мы делаем хорошие торговые дела, тогда как у французов дела идут плохо: козел отпущения — превосходное животное и оно особенно излюблено французами.

28 июля. Сегодня днем я видел поляка, только что прибывшего из Варшавы, где все еще господствует уверенность в военном отношении, но вместе с тем растет негодование и разочарование из-за невыполнения русским правительством обещаний, содержащихся в воззвании великого князя Николая, а также злоба по поводу нашествия на страну целой орды попов, которые пичкают поляков-католиков русским православием. Он сообщил, что последние перемены в составе русского правительства, а именно отставка министров — юстиции, внутренних дел

и обер-прокурора святейшего синода может привести к кой-каким хорошим результатам, так как они заменены либералами.

29 июля. Грей и Делькассе, думается мне, должны начать понимать, что я не слишком ошибался относительно Сазонова: он опасен и упрям, у него нет остроты, и он крайне близорук; если Грей и Делькассе не возьмут его за уши и не встряхнут его, то он всех нас вовлечет в серьезные затруднения.

30 июля. Эдмонд де-Ротшильд рассказал мне вчера, что евреи в России подвергаются страшным мучениям: двести пятьдесят еврейских местечек разрушено, и пятьсот тысяч евреев скитаются бездомно. Он очень угнетен вообще и неуверен даже в окончательной победе. Он считает, что немецкая организация слишком превосходит плохую организацию у нас; он опасается, что Россия, несмотря на обязательства, принятые ею 5 сентября, заключит сепаратный мир с Германией.

31 июля. Сегодня утром здесь был по пути из Афин в Лондон дипломатический курьер Гиндлиц. Он говорит, что король, его жена-немка и весь антураж, равно как военный штаб, настроены германофильски. Греки в бешенстве по поводу нашего вмешательства в их выгодную контрабандную торговлю с Турцией через Болгарию.

С балканскими государствами дело обстоит попрежнему: «Прошу меня извинить». Нет ничего удивительного, что они ожидают возобновления русского наступления, а когда это будет?

Несмотря на поражения, русские остаются заносчивыми и обнаруживают упрямство и величайшую близорукость. Здесь нет признаков ослабления решимости идти до конца с немцами; французы надеются на нашу выдержку как в политическом, так и в военном отношении, но мы должны не ослаблять блокады.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Август 1915 года.

1 августа. «Petit Journal» возвращается к вопросу об участии Японии в военных действиях в Европе для поддержки союзников. Газета говорит, что участие Японии должно было бы быть гораздо более значительным, и что сотрудничество ее в Европе несомненно могло бы быть достигнуто. Японцы

не хотели посылать войска, а здесь возникла мысль, что мы, преследуя собственные тайные цели, отговорили японское правительство притти на помощь Европе. Можно себе представить, что это было бы за предприятие — отправить на французский театр военных действий морем пятьсот тысяч человек, снабжать их в течение всей войны всем необходимым, подкреплениями и т. д. Другая мысль заключалась в том, чтобы Япония на суше пришла на помощь России. В результате их появления в Европе по всей Азии распространилась бы версия, что желтая раса явилась единственным средством спасения Англии.

2 августа. Достигнуто соглашение о принятии нами на себя еще 15 миль фронтовой линии с прослойкой французских войск. Я сомневаюсь, чтобы можно было, как думают некоторые, убедить болгарского короля взяться за оружие в интересах держав Антанты, а если он останется нейтральным, то он будет пропускать к германо-туркам оружие, идущее через Румынию, если эта страна будет его пропускать, из Австрии, Германии и из Дедеагача, если мы не приостановим доставку оружия в этот порт морем со стороны Адриатики, Греции, Испании и, быть-может, Америки. Если Болгария останется нейтральной, несмотря на лесть держав Антанты, то, думаю мне, мы бросим наши сомнения относительно перехватывания оружия и т. д., как бы ни протестовал против этого король.

Французы ненавидят дарданелльскую экспедицию, они возлагают на нас ответственность за начало этой экспедиции, принятой, как думает публика, для спасения нашей позиции в Индии и в Египте; но французы не хотят теперь отступить, так как их положение в Марокко было бы сильно поколеблено неудачей в борьбе против турок. Французское правительство сознает теперь, что было вовлечено в экспедицию, план которой оно неосновательно считало вполне продуманным британскими военными и морскими экспертами.

9 августа. Мы думали, что Дарданеллы будут форсированы в короткий срок, и что затем мы поведем за собою — по пути в Сербию, в Будапешт и в Вену — Грецию, Болгарию и Румынию; этот расчет оказался неправильным, но я считаю, что поскольку мы пустились в дарданелльскую экспедицию, мы должны довести ее до конца ради сохранения нашего кредита и позиции в Индии, Египте и на Балканах. ⁽²⁹⁾

Завтра утром я приму г. Эмльтона (секретаря Генерального совета трэд-юнионов) вместе еще с двумя представителями рабочих организаций, гг. О'Гради и Круниона. ⁽³⁰⁾ У них есть рекомендация от Роберта Сесилия, и они прибыли с поручением по адресу некоторых французских рабочих организаций.

12 августа. Рабочие лидеры сделали мне сегодня визит; они были удивлены склонностью части французских рабочих прикрашивать дело Кайо-Кальметта; ⁽³¹⁾ эту склонность они приписывают влиянию германских агентов. Сами они, т.-е. британская рабочая партия и трэд-юнионы, откладывают все вопросы, в которых они специально заинтересованы, до тех пор, пока немцы не будут вытеснены из Франции и Бельгии, и им хотелось бы по этому вопросу сговориться со своими французскими товарищами. Главной квартирой агитаторов среди рабочих был Берлин; британская партия хотела бы перенести центр в другое место, — но куда? Амстердам слишком немецкий город, равно как и Берн, где силен германский элемент.

13 августа. Господа из трэд-юнионов хотят посетить британский фронт, чтобы получить из первых рук и сообщить своим товарищам сведения о положении, о настроении солдат, об их взглядах на внутреннюю политику и, наконец, о состоянии, в которое страна приведена германской оккупацией! Британская главная квартира встречает к этому препятствия; французская значительно более сговорчива.

15 августа. Я думаю, что мы смогли бы вовлечь Болгарию, если бы только Россия согласилась на необходимые и оправдываемые жертвы; Румыния была бы на нашей стороне пассивно, а впоследствии и активно, если бы Россия перестала гнаться за «врагом хорошего — за лучшим». Что касается Греции, то с ней совершенно невозможно иметь дело, и даже если бы Венизелос ⁽³²⁾ вернулся к власти, то король и общественное мнение отказались бы уступить Каваллу и другие территории, требуемые Болгарией. Поскольку вся Греция состоит из морского побережья и островов, мы можем повлиять на нее, и я отказался бы от методов ласкового убеждения и заставил бы ее понять, что она должна поступать так, как говорит. Сербия продолжает гордо заявлять, что она ничего не уступит, но, думаю мне, она поймет еще до того, как станет поздно, что то, что сейчас может быть отдано с барышом, впоследствии у нее смогут отнять без всякой компенсации, и что она посту-

пит благоразумнее, если примет то, что ей предлагают в обмен на территории, от которых ее просят отказаться. Все мы, как дети, делим шкуру неубитого медведя, но никто из участников дележа не согласен отдать что-либо из своих собственных владений.

20 августа. Потеря «Арабика» тягостна; большим несчастьем является также потопление двух транспортных судов у Дарданелл, но что действительно вызывает тревогу, это опасное положение русской армии; здесь опасаются, что она может быть окружена или разбита на две части, вследствие чего немцы смогут пойти на Петербург; если так, то возможно внутреннее сотрясение в России, а когда трон самодержца начинает колебаться, то нельзя знать, что станут делать для своего спасения сидящий на троне и окружающие его.

Итальянды удерживают свои позиции, но предполагается, что они не станут продолжать свое наступление, если им удастся сбросить австрийцев в равнину. Они, как говорят, будут выжидать наступательных действий французов и англичан, русских и румын.

Русская дипломатия не заслуживает даже презрения. Она говорила и действовала так, как будто бы русские победители и могут диктовать свою волю. Вскоре они могут оказаться на коленях, и будет уже поздно спасать себя. Мы и Франция будем продолжать борьбу в крайне невыгодных условиях.

22 августа. По сведениям, полученным здесь из хорошего источника, русские армии лишены всего, что нужно для войны: нет достаточного количества ружей, орудий, снарядов и т.-д.; все снабжение хромает, и повсюду в высших сферах армии было обнаружено и продолжает существовать взяточничество. Французам и нам придется вынести всю тяжесть немецкого наступления. Здесь заметно сильное угнетение, но не среди офицеров, приезжающих с фронта. Извольский очень понижен, но утешается чаем у Ритца в дамском обществе.

Юрисконсульт американского государственного департамента, мистер Каудерт, сообщил интересные сведения о происках немцев в Соединенных Штатах. Немцы, среди которых насчитывается около 4 000 000 натурализованных американских граждан, обрабатывают против нас американцев германского происхождения, непримиримых ирландцев, хлопководов и лиц, связанных с хлопчатобумажной промышленностью; они заручаются симпатией хлопкоразводящих штатов, ведя разговоры об «указе совета»; нашему министерству иностранных дел следовало бы избегать

этого ненавистного термина, послужившего началом размолвки между американскими колониями и Англией. Немцы стали разъяснять хлопководам, что «указы совета» погубят их хозяйство и заставят голодать их семьи; хлопководы, по большей части англичане по происхождению и склонные симпатизировать Англии, озлобились и вместе с германскими элементами стали оказывать давление на правительство, с целью добиться запрещения вывоза оружия и снаряжения, чтобы закончить войну и дать им возможность продавать свой хлопок. Конгресс насчитывает 430 членов, из которых 230 демократов; президент и правительство, боясь потерять голоса хлопководов, отдававшиеся демократии, стали влиять. Мистер Каудерт уверен, что объявление хлопка абсолютной контрабандой будет принято совершенно спокойно, так как британское правительство примет меры против понижения цен и скупит весь излишек по справедливой цене. Если случай с «Арабиком» вызовет войну, что маловероятно, то взятие Германии измором последует скоро, замедлится оно только в случае простого перерыва дипломатических сношений. Ни в том, ни в другом случае не будет запрещен вывоз военного снаряжения в страны Антанты.

23 августа. В военном министерстве говорят, — боюсь, что это верно, — что «русским крышка». В обществе здесь распространено мнение, что в России может быть революция и возможно провозглашение великого князя Николая императором, или же будет заключен мир любой ценой, по настоянию немедкого окружения нынешнего императора. Я не верю ни в одну из этих возможностей.

26 августа. Итальянцы не имели значительных успехов в борьбе против австрийцев, и поэтому они намерены выступить против турок, но не в надлежащем месте для того, чтобы помочь нам; они хотят подработать немножко в свою пользу, что заслуживает величайшего порицания. Константинополь является открытым секретом, но итальянцы делают запросы о его будущем, что заставляет Делькассе настораживаться!

Германские радио опровергают сообщения об англо-русской морской победе в Рижском заливе и Балтийском море. С немцами и русскими невозможно добиться правды.

27 августа. Из Петербурга приходят плохие вести о внутреннем положении в России. Германская клика при дворе настаивает на мире. Дума и публика хотели бы покончить с этой кликой.

Москва и провинция настроены решительно, Петербург же пессимистичен.

31 августа. Сегодня здесь нет абсолютно никаких новостей. Всеобщая уверенность в *окончательном* успехе, но никаких действительных шагов вперед раньше весны, а тем временем русских разобьют. Однако, Дарданеллы представляют собой опасный пункт: если нам не удастся форсировать их до начала плохой погоды, то это приведет к плохим последствиям в отношении балканских государств.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сентябрь 1915 года.

3 сентября. Нижеследующие строки я получил из хорошего английского источника: «К сожалению, не могу сообщить вам много хорошего. Недавно мы должны были прорваться у Дарданелл, и все генералы достигли тех пунктов, которые были им указаны, но ни у одного из них не хватило предприимчивости и смелости выйти за пределы инструкции. Если бы они так поступили, то, по их мнению, мы обошли бы турок и отрезали их. Мне говорят, что ошибка эта будет исправлена в конце нынешнего месяца (сентября), но несомненно ценою более значительных потерь людьми. Несомненно производство снарядов в Англии растет скачками, хотя оно даже и приблизительно не достигло размеров потребности. Мне передают еще из очень хорошего источника, что гг. Армстронг изготовляют орудия, метко стреляющие на 22 мили, и что произведенные уже опыты стрельбы дали очень хорошие результаты». Военное положение России становится хуже и хуже, и находятся люди, доказывающие, что русские вовлекают немцев в мешок, совершенно так же, как утверждали, что отступление от Монса было стратегическим движением с целью привести к сражению на Марне!

5 сентября. Из-за развращенности и упрямства Сербии, мы можем потерять последние шансы перетянуть на нашу сторону Болгарию. Немцы предпринимают энергичнейшую попытку проникнуть в Болгарию через Сербию, и если им это удастся, то им нетрудно будет уговорить Фердинанда пойти с ними. Когда необходимо соглашение между государствами Антанты, то дело подвигается медленно, и Сазонов является страшным тормозом.

6 сентября. Берлинский корреспондент нью-йоркского «Уордль» телеграфирует: «Англия просто потеряла голову от страха перед Германией. От этого абсурдного страха, ставшего навязчивой идеей, обезумели лучшие государственные люди Англии, которые забыли основные интересы своей страны и оказались готовы сделать нечто такое, что, в случае удачи, явилось бы величайшим несчастьем для будущего Англии. Россия действительно является великим врагом Англии в будущем. Если рассматривать достаточно отдаленное будущее, то невозможно притти к иному заключению. Именно с Россией придется считаться Англии завтра. Усилия Англии овладеть Дарданеллами и тем самым развязать руки своей будущей сопернице являются чудовищной политической ошибкой. Я всегда относился с величайшим изумлением и уважением к английским государственным деятелям, которые несомненно занимают первое место среди величайших политиков мира, но я утверждаю, что усилия Англии, имеющие целью отдать Турцию России, свидетельствуют о недостатке политического предвидения. Английский престиж был похоронен на дарданельском фронте глубже, чем где бы то ни было; другими словами, наиболее тяжелым ударом, когда-либо нанесенным английскому престижу, является неудача на полуострове Галлиполи, которая несомненно скомпрометирует английское влияние на Востоке. К счастью для Англии (и наступит день, когда она даст себе в этом отчет) ее усилия овладеть Дарданеллами остались и останутся тщетными». Эти слова выдаются за мысли одного дипломата, с которым корреспондент встретился в Вене. В них есть большая доля правды.

8 сентября. Мне передают, что наш посланник в Софии не передал в Англию о своей беседе с болгарским премьер-министром, из которой видно было, что он (болгарский премьер-министр) был бы готов присоединиться к Антанте на условиях, для нас вполне приемлемых. Наш посланник ничего не сообщал об этой беседе, пока не стало поздно; тем временем русские обратились в бегство, и болгарский премьер-министр уже переменил свое мнение. Из-за отсутствия согласия между державами Антанты их предложения балканским государствам всегда были нерешительны, запоздалы.

Принятие российским императором верховного командования не совсем неожиданно. Он до некоторой степени, как мне думается, подозревал, что великий князь Николай вышибет его,

если он сам не вышибет великого князя, который теперь будет сослан на Кавказ наместником. У русских есть огромные резервы людей, но их потери орудиями, пулеметами, ружьями и снаряжением не так легко поправимы. Император становится очень непопулярным, Петербург пессимистичен и очень склонен прислушиваться к германским напештываньям.

12 сентября. Ходят слухи, как мне кажется, хорошо обоснованные, о большой французской экспедиции в восточное Средиземное море. Я предполагаю, что «политичный» генерал Саррайль будет командовать ею независимо от Гамильтона, так как французы не намерены терять людей в Галлиполи.

15 сентября. Я имел беседу с Ганото, который очень здраво смотрит на вещи. Взгляды его заключаются в следующем: *независимая* Польша; проливы и Босфор, равно как северное побережье Мраморного моря — Болгарии; Константинополь должен быть вольным городом, никаких укреплений ни на Босфоре, ни в Дарданеллах; для прохода из Средиземного моря в Черное и обратно — система Суэцкого канала, под европейской гарантией, проводимая международной комиссией.

21 сентября. Вчера вечером я обедал с сэром П. Мак Брайдом, агентом штата Виктория в Лондоне, и другим австралийцем, имени которого я не запомнил. Оба они проявляли большой энтузиазм по отношению к империи и гордость по поводу подвигов австралийцев, новозеландцев и канадцев. Они верят, больше, чем я, в возможность более тесной связи между метрополией и ее колониями. Они хотят исключения желтой, красной и черной рас и установления белой империи с представительным советом, заседающим в Лондоне. Просуществует ли Британская империя в таком виде, как сейчас, еще сто лет? Не превратятся ли колонии в независимые нации, когда они будут населены достаточно для того, чтобы защищать самих себя? В настоящее время они в своей обороне зависят от английского флота, и они глубоко заинтересованы в том, чтобы помочь нам против Германии, стремящейся к всемогуществу. Оба мои собеседника решительно осуждают позицию Соединенных Штатов. Они сказали, что в случае германской победы Америка все больше и больше колонизовалась бы немцами и стала бы немецкой по духу.

23 сентября. Делькассе очень угнетен неудачей в Дарданеллах.

24 сентября. Балканы кипят, как котел. Делькассе, наконец, теряет веру в русских. Во время различных кризисов они все время вели себя положительно как идиоты.

Сейчас всякий называет Фердинанда свиньей, но это было очевидно. Его можно было в свое время купить.

26 сентября. Итак, началось серьезное наступление. Вчера вечером мы получили сообщение, что серьезное сражение началось вчера утром, при чем при хорошем успехе британских войск у Лооса, мы захватили 1600 пленных прусских гвардейцев. В Шампани значительный успех французов — около 10 000 пленных. В Артуа и Аргонне мы также выиграли территорию: на фронте в 24 километра мы продвинулись на четыре километра вглубь. Офицеры с фронта довольны положением.

Корреспондент «Таймса» сообщил по телефону, что мы захватили 25 000 германских пленных. Это большое счастье, если это верно, но я опасаясь, что это не помешает Болгарии напасть на Сербию, если Германия сделает то же самое.

27 сентября. Мы, повидимому, не проникли глубоко в германское расположение.

29 сентября. Сегодня днем состоялось собрание в министерстве общественных работ (Самба, министр-социалист) для заслушивания речей г. Робертса и г. Ходжа, членов парламента, на тему о помощи, оказанной Франции Соединенным Королевством. Присутствовали Пуанкаре и несколько французских министров. Всего было около 200 человек. Председательствовал Пишон, произнесший превосходную речь. Некий мистер Смес, исключительно хорошо владеющий французским языком, сам произнес речь и дал на французском языке резюме речей гг. Робертса и Ходжа. Оба последние поставили себе задачей похвастать тем, что мы сделали, и делали они это в таком размере, что я почувствовал себя несколько неловко. Мистер Ходж показал себя искренним типичным британским рабочим и был убедительнее, чем мистер Робертс. Он был очень хорошо принят.

У Дарданелл мы оттягиваем время, и я полагаю, что мы отправимся в Салоники, но прибудем ли мы туда во время, чтобы запугать Фердинанда до нейтралитета? Балканские монархи с их тщеславием, честолюбием, интригами и семейными симпатиями и антипатиями — сущий ад. Они ставят свои личные интересы выше интересов своих стран, обычно стран усыновленных.

Мистер Ходж сказал мне, что члену парламента Томасу не удастся повести за собой железнодорожников на забастовку, если правительство, т.-е. Асквит и Китченер объявят, что принудительная служба необходима для доведения войны до победного конца. Ходж говорит, что в этом деле публика вполне доверяет Асквиту и Китченеру, что означает недоверие к другим министрам. В своей речи он бранил дилетантов критиков, критикующих «после событий» дилетантов генералов, адмиралов, дипломатов, а также некоторых газетных критиков. Как бы то ни было, но если бы не разоблачения «Дэйли Мэйль» и «Таймса» относительно недостатка снарядов большой разрывной силы, то вопли Френча и его офицеров остались бы неуслышанными, и у нас не было бы министерства снабжений, которое улучшило постановку дела.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Октябрь 1915 года.

3 октября. Мы, повидимому, ввязались в войну с болгарями, руководимыми гунами. Сазонов больше беспокоится о религиозном престиже своего хозяина, чем о военных делах своих союзников.

4 октября. Фердинанд связал свою судьбу с бошами, чего можно было ожидать. ⁽³³⁾ Я не понимаю, как можно было предполагать, что он не продался, принимая во внимание, что его правительство получило заем в Германии и получало оттуда военное снаряжение, а также отправляло туркам разного рода грузы из Германии; несмотря на все это, русские удивлены и говорят о неблагодарности болгар. Возможно, что если бы в начале войны Россия не медлила высказать свои намерения недвусмысленным образом, и если бы она пригрозила избалованному ребенку или подготовила бы посылку войск в Варну или Бургас, дела приняли бы иной оборот.

6 октября. Не может быть никаких сомнений в том, что в течение всего времени Фердинанд имел соглашение с австро-германцами о присоединении к ним в момент, когда они проникнут в Болгарию через Сербию, если им вообще это удастся. Румыния еще не имеет окончательного мнения о том, кто будет победителем в конечном счете. Король, в качестве слабого Го-

генцоллерна, желает победы Германии, но правительство его выжидает, так как Румыния получит больше в случае поражения австрийцев и немцев, нежели в случае их победы. В последнем случае ей досталась бы Бессарабия и еще кое-что; в первом же — Трансильвания, Банат и еще кое-какие обрезки. В Салониках создалось любопытное положение. Венизелос подбивал нас, англичан и французов, на высадку: протест против десанта должен был иметь лишь формальное значение. Десант был сделан, Венизелос ушел в отставку, и нас обвиняют в нарушении нейтралитета Греции по образцу немцев в случае с Бельгией. Король имеет на своей стороне штаб и маневрирует с целью сохранения благожелательного нейтралитета по отношению к Германии.

Сегодня утром здесь был Эшер. Он приехал от Френча, который настроен оптимистично. В официальных кругах Лондона, по его словам, господствует угнетенное настроение. Добровольные зачисления в армию сократились до 12 000 в неделю. Имеется 1 миллион 200 тысяч молодых дюдей в возрасте 19—24 лет, которые *не хотят зачисляться*, а всего имеется около 4 миллионов годных для военной службы мужчин, которые не явились. Вчера в Калэ встретились Китченер, Бальфур и Мильеран для обсуждения вопроса, откуда взять силы, необходимые для Салоник. Китченер обещал Мильерану 75 дивизий в определенные сроки; однако, откуда мы можем взять их, если салони́кская экспедиция прибавится к необходимости держать известное количество войск на полуострове Галлиполи? Как Жоффе, так и Френч настаивают на том, чтобы им предоставили обещанное, и являются противниками дарданелльской и салони́кской экспедиций.

15 октября. Жоннар посетил меня сегодня утром. Он критиковал методы правительства и в частности образ действий его на Балканах, в каковом сказалось полное отсутствие политики. Министерство, по его словам, плыло по течению и было взято на буксир русским правительством с его абсурдными выдумками. Пользуясь отсутствием Делькассе, кто-то стал от имени Франции напоминать России о жертвах, принесенных Францией и Англией, и о причинах, по которым балканские государства так неохотно нам помогают. Салони́кская экспедиция должна продолжаться в большом масштабе, при участии французов или без них, но не решено еще, что будет с галлипольскими войсками: останутся ли они на месте, пойдут ли вперед, или отступят.

Что станут делать итальянды, никто не может сказать, но следует ожидать, что они будут делать как можно меньше.

15 октября. Гг. Ходж и Робертс, члены парламента, а также Смес сделали мне вчера визит. Они продолжают объезд провинциальных городов. Ходж просил у меня подтверждения или опровержения того, что ему говорили в социалистических кругах, а именно, что гражданское население в настоящее время за мир на *каких* угодно разумных условиях. Я разуверил г. Ходжа и компанию. Ходж сказал мне, что, по его мнению, у нас будет принудительный набор, так как требуемое количество людей не может быть получено иным способом.

17 октября. Нам передают, что 200 000 турок намерены выступить на помощь болгарам. Греки говорят, что условия договора не подходят, что они неприменимы к настоящей обстановке, и заявляют: «Мы не сдвинемся с места, тем более, что противная сторона, повидимому, победит». Румыны говорят: «Мы душою с вами, но пока что просим извинить нас».

Сегодня утром здесь был Х. Он приехал по делам, связанным с поставкой леса для траншей. Х. привез с собой угнетенное настроение Лондона; ему говорили, что во Франции есть движение за мир, который может быть заключен в течение ближайших шести недель. Ходит слух, что, в виду истощения Германии, император хочет заручиться поддержкой президента Вильсона для осуществления следующего благородного проекта. Восстанавливается довоенный status quo. Все отнятые у Германии колонии возвращаются ей. Германия удерживает Антверпен и, должно быть, некоторую часть Бельгии, достаточную для осуществления непосредственной связи с Германией. Президент Вильсон, будто бы, считает эти предложения великодушными, так как Германия занимает Польшу и часть России, Бельгию и часть Франции и до сих пор не была бита. Напротив, Германия была и остается повсюду победительницей. Американская публика поддержит президента, который окажет давление на союзников, угрожая, в случае непринятия этих условий, запрещением всякого вывоза в их страны из Америки.

То, что он рассказывал о внутренних делах, было интересно. Кабинет раскололся. Артур Бальфур написал убедительную статью против принудительного набора. Х. не мог припомнить его аргументации, за исключением указания на то, что такой набор расстроил бы промышленность... Х. сказал, что произ-

веденная недавно перепись доказала, что в стране имеются многие тысячи здоровых мужчин, рабочих и других, которые не желают зачисляться, и он, Х., не может сказать, каким образом их можно заставить служить. Джордж Керзон—единственный член кабинета, который стоит без оговорок за принудительный набор.

18 октября. Итальянец, занимающий довольно видное положение, работающий в Турции и выехавший из Константинополя девять недель тому назад, утверждает, что короли Греции и Болгарии совершенно несомненно приняли на себя личные обязательства по отношению к германскому императору в том смысле, что ни Греция, ни Болгария не нападут друг на друга, и что румынский король пообещал германскому императору, что Румыния останется нейтральной. До того, как состоялись эти соглашения, Джавид-бей не мог получить в Берлине ни копейки, после же Турция получила 5 милл. ф. ст. при условии территориальных уступок Болгарии вблизи Адрианополя. Переговоры между Германией и Турцией протекали очень неблагоприятно до тех пор, пока не было произведено первое наступление на Дарданеллы: тогда турки стали шелковыми в руках немцев. Турки были очень перепуганы, когда Италия объявила войну; они думали, что это означает посылку 300 000 итальянцев против Турции. Тот же итальянец говорит, что добиться сколько-нибудь реального успеха в Салониках может лишь армия, насчитывающая не менее чем 500 000 человек. Между тем, снабжать такое количество войск, действующих внутри страны, при наличии одной только железнодорожной линии, почти невозможно.

Положение складывается, повидимому, следующим образом: греческий король получил заверения от германского императора, что Болгария не нападет на Грецию, а будет компенсирована за счет разбитой и расчлененной Сербии. Греческий король уверен в том, что, в случае возможного нарушения этого обещания, он может рассчитывать на защиту со стороны англо-французских войск. Румынский король обещал германскому императору оставаться нейтральным: он должен быть вознагражден Бессарабией, которую отнимут у разбитой России. Какое влияние окажет на болгар манифест российского императора, сопровождаемый бомбардировкой Бургаса и Варны?

19 октября. Эшер был у меня сегодня утром. Он много рассказывал о разногласиях в кабинете, но не упоминал о мире во что бы то ни стало в том виде, как его предлагает президент Вильсон.

Кабинет сейчас разделился, одни хотят обсудить и провести билль о принудительной военной службе, так как введение ее оказалось необходимым, другие хотят ждать, пока не выяснится неудача попыток Дерби. ⁽³⁴⁾ Асквит одобряет эту последнюю идею. Он говорит, что Дерби может еще иметь успех, и тогда не будет надобности ни в каком законодательном принуждении; если же он потерпит неудачу, то тогда найдется достаточно времени для подготовки билля. Дерби говорит, что, если в конце ноября ему не удастся получить 600 000 рекрутов, он будет считать, что добровольческая система не удалась, и что должно быть введено принуждение.

20 октября. Мёррей-оф-Элибанк завтракал у меня. Он прибыл из Лондона вчера вечером. Он считает, очевидно, что Асквиту придется уйти, и что преемником его будет Ллойд-Джордж, который уйдет в отставку, если не будет введена принудительная военная служба, так как иным способом он не может получить людей для заводов, изготавливающих снаряжение. Не так давно Китченер соглашался, что принуждение необходимо. Теперь же он бьет отбой и не знает, какая сторона в кабинете победит. Артур Бальфур решительный противник принуждения. Карсон за принуждение, но, как мне передают, по другому пункту он разошелся с большинством кабинета, именно в вопросе о салоникской экспедиции: он хотел, чтобы вопрос этот решался чисто военными, а не политическими соображениями.

22 октября. Из слов Мёррей-оф-Элибанка я заключаю, что дни пребывания Асквита в кабинете сочтены. Ллойд-Джордж говорит, что принудительная служба необходима для его военных заводов. Старые бабы в военном министерстве продолжают отстаивать шрапнель против снарядов большой разрывной силы и пытаются доказать, что наша артиллерия превосходит французскую.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ноябрь — декабрь 1915 года.

3 ноября. Вчера я сделал визит Бриану. ⁽³⁵⁾ Он сказал, что я слишком хорошо знаю его политику, чтобы на ней стоило останавливаться. Он настроен не очень оптимистично в вопросе о балканских делах, но он решительный сторонник борьбы до конца.

9 ноября. Анри де-Бретейль только что был здесь. Недавно он встретил одного французского морского офицера, который сказал, что согласно существующему мнению, в том числе мнению нового министра, Дарданеллы могут быть форсированы ценою потери пяти или шести кораблей и 15 000 человек. Как бы то ни было, если даже предположить, что союзнический флот прорвется, не уничтожив турецких фортов, орудий и т. д., то как смогут наши корабли снабжаться всем необходимым и быть уверенны в возможности возвращения в Эгейское море? В 1878 г., когда британский флот прошел проливы до Константинополя, он не встретил никакого сопротивления со стороны турок, которые были в восторге от нашего появления, положившего конец русской диктовке. В настоящее время мы имеем совершенно иной случай. ⁽³⁶⁾

Германские подводные лодки проявляют слишком большую активность в Средиземном море. Помощь, оказываемая нам на Балканах продвижениями русских в других местах, в настоящее время равна нулю: русские и на этот раз, как всегда, опаздывают, и глупости, допущенные императором, Сазоновым и командованием, поразительны.

Возможно, что Китченер отправится в Салоники, после обследования положения на полуострове Галлиполи. Он взял с собою очень способного французского офицера, который только что приехал с полуострова. Китченер поехал, чтобы самому посмотреть, сможем ли там удержаться, на что он надеется, так как наш уход оттуда повлек бы теперь за собою огромные потери и мог бы иметь неблагоприятный политический эффект в Египте и Индии. Он говорил, что вернется к исполнению своих обязанностей в военном министерстве как можно скорее, после того как осведомится о военном положении в восточной части Средиземного моря.

Я не пессимист, но наши министры, повидимому, неспособны ни на какие решения. Китченер сказал мне, что Асквит превосходный человек. В подтверждение этого он сказал мне, что Асквит нашел формулу, удовлетворившую всех, когда кабинет разделился по вопросу о принудительной военной службе. Однако, формула эта, насколько я могу судить, не дала никакого решения. Каждый министр несомненно ждет и надеется, что его точка зрения победит в ближайшем будущем. Между тем быстро проходит драгоценное время.

В качестве председателя сенатской комиссии по иностранным делам, Буржуа допрашивал Делькассе. Он был поражен и ужаснулся, когда этот министр хладнокровно признал, что Константинополь был обещан России соглашением между русским, британским и французским правительствами. Делькассе изображал дело так, что Грей был инициатором этого. Буржуа отнюдь не пессимист, но он хочет советов, координации и сотрудничества между союзниками. Нынешняя система, или отсутствие системы, лишена какого бы то ни было порядка: необходим более тесный контакт между военными и морскими штабами держав Антанты и их правительствами, которые должны в точности выяснять свои намерения на суше и на море и сотрудничать для их осуществления. Он говорит, что мы не в состоянии помешать Германии захватить Константинополь, где она фактически уже давно присутствует духовно, но она растягивает свою линию до опасных размеров, и остатки сербской армии в соединении с франко-британскими экспедиционными силами в Салониках будут представлять постоянную угрозу для ее сообщений; позднее Россия окажется большой вооруженной силой, действующей из Бессарабии, и время решит в пользу союзников, так как Германия истощается. Он решительно высказывается за то, чтобы оставаться в Галлиполи. Китченер рассказал мне по поводу Дарданелл следующее: когда Винстон Черчилль выдвинул свой план, согласно которому проливы могут быть форсированы флотом без участия сухопутной армии, Китченер сказал, что он рад слышать, что таково мнение морских властей. Военные эксперты не были запрошены.

11 ноября. Греки становятся очень решительны. Они заявляют, что всякая сербская часть, перешедшая при отступлении греческую границу, будет интернирована, и обещают разбросать мины за пределами греческих территориальных вод. Однако, против кого направлены эти меры защиты? Несомненно не против немцев. Я бы запретил такого рода действия, так как они могут быть направлены исключительно против французов и нас. Я завладел бы Салониками, быть может Пиреем, и высадился бы в Корфу, чтобы разрушить установленную там радио-телеграфную станцию, которая информирует немецкие подводные лодки о местонахождении наших судов.

Органы германской печати сообщают о предполагающейся встрече королей Румынии, Болгарии и Греции. О, эти шакалы, лижущие сапоги императора гуннов!

12 ноября. Мы должны будем в конце концов применить силу по отношению к грекам, которые действуют по приказу Германии. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Сделает ли что-нибудь президент Вильсон, чтобы практически выказать свое возмущение по поводу пиратского захвата «Анконы» Германией? Я сомневаюсь в этом. Он станет цитировать Иезекииля! Его нота, обращенная к нам, не из приятных. Он ссылается на парижскую декларацию 1856 г., к которой американское правительство никогда не присоединилось, и требует, чтобы мы обыскивали суда в море, вместо того, чтобы приводить их в порты, что, как ему известно, невозможно в наши дни, при больших размерах судов и огромном грузе. Эти американцы — прогнившая шайка жуликов, распевających псалмы и гоняющихся за барышами.

14 ноября. Вчера вечером я обедал по соседству. В числе присутствующих был г. Виктор Берар, ученый востоковед, сотрудник разных обозрений. Г. Берар решительный противник неумелого залезания Франции в Сирию. Ввязываться в сирийские дела она могла бы только в качестве католической державы, для каковой, однако, разделение церкви и государства явилось бы аномалией. Кроме того, Франция не сможет поддерживать мир между мусульманами, евреями и христианами различных исповеданий. Англия является единственной державой, имеющей успех в таких делах. Она господствует над Персидским заливом и Красным морем, и ей надлежало бы заложить основы Арабской империи под своим протекторатом, дав Франции гарантии, подобные тем, которые она имеет в Египте. Он высказывался в этом смысле перед комиссией по иностранным делам в палате депутатов. Я не думаю, чтобы у него нашлось много сторонников, или хотя бы один. (37)

19 ноября. Греческий король, очевидно, предвидит либо окончательную победу Германии, либо ничью. Китченер намерен иметь с ним беседу.

29 ноября. С Френчем покончено. Возможно, что он станет главнокомандующим в Англии. Я очень сожалею о нем. Мне бы хотелось знать специальные обстоятельства, приведшие к его падению.

1 декабря. Мне дана инструкция настаивать перед французским правительством, что, поскольку попытка генерала Саррайля установить связь с сербской армией не удалась, вступило в силу соглашение, по которому все союзнические силы должны вернуться в Салоники и использоваться, как того требуют обстоятельства. Что касается действий в Салониках, ⁽³⁸⁾ то британское правительство высказывается за увод союзнических сил, однако, лишь при наличии определенного соглашения с греками, обязывающего их защищать свои границы. Далее, должно быть сделано сообщение греческому правительству, что если оно разрешит центральным державам занять Салоники, то это будет повод к войне. Ответ, который я передал по телефону, заключался в том, что сделанное мною сообщение произвело угнетающее действие на Бриана и Жюля Камбона. Я добавил, что, на мой взгляд, отношения между британским и французским правительствами стали бы очень натянуты, если бы мы настаивали на очищении Салоник, которое французами рассматривается, как пожелание, высказанное греческим королем и его правительством по просьбе германского правительства. Военный министр, которому военный атташе передал взгляды британского правительства, сказал ему, что совет обороны на днях согласился с необходимостью полной или частичной эвакуации полуострова Галлиполи, по совету лорда Китченера, и высказал пожелание, чтобы салоникинский вопрос был немедленно разрешен соглашением между обоими правительствами. Французы считают, что беседы Китченера с греческим королем наделали много зла; они укрепили короля в мысли, что мы с радостью оставим Салоники, на условиях, желательных для германского правительства и подходящих для короля. Начальник греческого штаба, германофил Матаксос, указал Китченеру, что лучшим средством спасения Египта была бы экспедиция на юг от Александретты. Французы считают, что если Салоники будут оставлены, то их займут неприятельские силы, будь то болгары, немцы или австрийцы, будь то при содействии греков или против них; очищение Салоник имело бы серьезные и неблагоприятные последствия для всей балканской и восточной политики.

3 декабря. Я сообщил Бриану дальнейшее представление британского правительства, говорящее, что продолжающаяся посылка войск в Салоники заставляет британское правительство опасаться катастрофы, так как его военные эксперты единодушно пред-

видят такой исход. Они считают, что если решение увести союзнические силы из Салоник не будет принято немедленно, то все англо-французские силы в Македонии и Салониках могут быть потеряны. Представление настаивает на том, чтобы французское правительство либо тотчас же согласилось с этой точкой зрения, либо встретилось с британскими министрами на конференции в Лондоне.

Позже. Конференция соберется завтра в час дня в Калэ. Бриан, Галлиени и морской министр примут в ней участие.

5 декабря. Из бесед, которые я имел сегодня с различными лицами, бывшими на конференции в Калэ, я собрал следующие сведения: Бриан выдвигал взгляды французского правительства, уже изложенные мною. Китченер говорил с волнением и сказал, что, в случае решения остаться в Салониках, он должен подать в отставку, так как не может принять на себя ответственность за решение, которое, по его мнению, повлечет за собою военную катастрофу. Бриан напомнил Китченеру о взгляде, высказанном им 30 ноября, что Салоники должны быть удержаны в качестве базы для возможных операций в будущем. Французские министры уступили.

Никакие окончательные решения не были приняты британским кабинетом относительно полуострова Галлиполи. В военных кругах считают, что полуостров должен быть очищен. Китченер высказался за удержание позиции длиною в четыре километра у мыса Геллес, но, по мнению генерального штаба, эту позицию нельзя будет удерживать, когда снаряды неприятельской тяжелой артиллерии начнут достигать ее. В кабинете вождем противников оставления является Джордж Керзон. Генеральный штаб считает, что эвакуация сможет оказаться невозможной, если решение будет откладываться. Правительство желает, чтобы Китченер отправился с Мудроса в Египет и принял там на себя командование; Китченер ответил, что должен вернуться в Англию, чтобы наблюдать за проведением своей политики.

8 декабря. Э. говорит, что Френч знает о своем предстоящем уходе, и что он распрощался с Жоффром, который, услышав о предстоящей отставке, поднял руки и сказал: «Если мы будем так продолжать, то мы проиграем!» Галлиени полагает, что, что бы ни говорили Китченер и Грей, эвакуация Салоник окажется невозможной, а это потопит Бриана и его правительство. Китченер и Грей ожидают здесь завтра.

9 декабря. Тяжелые вести из Салоник. Возможно, что мы потеряли или теряем целую дивизию.

10 декабря. Из Афин приходят немного лучшие и более ободряющие вести: согласно сообщению французского посланника Гиллемана, король настроен гораздо более примирительно, а господин Гиллеман считает, что можно достигнуть соглашения между англо-французскими и греческими военными властями для обеспечения безопасности французских и британских войск.

В своем желании остаться в Салониках французы не вполне единодушны, но французский взгляд, как говорят, заключается в том, что мы думаем исключительно об охране Калэ и защите Египта.

Передают, что греческий король и его министр Гунарис пришли к соглашению с Германией о сохранении благожелательного нейтралитета по отношению к Болгарии до тех пор, пока немцы не окажутся вблизи Салоник, с тем, чтобы тогда ввязаться в борьбу против нас. Говорят, что немцы готовят серьезное наступление на Ригу. Они надеются, что внимание публики будет отвлечено от финансового положения победами на Балканах, турецкими успехами в Багдаде, занятием Константинополя и приготовлениями к наступлению на Египет.

12 декабря. Вчера вечером я встретился за обедом с Б. Он недавно делал визит Кайо; ⁽³⁹⁾ мне кажется, что дело шло о какой-нибудь интриге правых против министерства. Кайо настроен очень анти-британски. Он считает себя новым Наполеоном и имеет в виду заключение мира с Германией при помощи Джиолитти; Германия вместе с руководимой им Францией должны умерить гордость и заносчивость Англии; Эльзас и Лотарингия возвращаются Франции, Австрия разбивается на части, при чем главные куски отходят к Италии, а осколки присоединяются к Германии. Что касается Бельгии, то об этом еще придется подумать! Кайо рассчитывает, что поражение при Салониках даст ему пост председателя совета министров и министра финансов. Клемансо согласен с ним в вопросах внутренней политики: расходятся они *только* во внешней политике, а это значит расходиться во всем.

18 декабря. Вчера за обедом предсказывали, что чем больше затянется война, тем лучше это будет для политического положения социалистов. Если падет министерство Бриана, то возможен приход Клемансо, а на смену Пуанкаре придет Рибо,

который ради президентского места пообещает что угодно и сколько угодно.

20 декабря. Вчера вечером я беседовал немного с Френчем. Он говорил о военном невежестве Китченера, ставшем теперь явным, о недостатке у него познаний в области стратегии, о том, как он часто меняет свое мнение и упрямо возвращается к своим идеям после того, как они оказываются разбитыми на голову.

21 декабря. Итальянцы ведут себя нехорошо: остатки сербской армии достигли побережья и должны были отплыть из Сан-Джованни ди-Медуа в Дураццо; так как высадка там представляет трудности, то оттуда предложили принять их в Валонне. Итальянцы возражают на это и говорят: «Берите их в Салоники». Даже после того, как итальянцы вступили в войну, они делают все, что только возможно, для самих себя, а не для общего блага всех союзных держав, и сверх того они не находятся в состоянии войны с Германией!

22 декабря. Германские радио-телеграммы сообщают, что греки заняли форт, господствующий над Салониками, и в пятницу на прошлой неделе открыли огонь по французскому патрулю, который приблизился к форту и не остановился на окрик!

Камбон заметил сегодня, что путь, по которому идет царь, напоминает путь Людовика XVI; возможно, что он будет устранен таким же способом, но, по русской манере, придворными кругами и аристократами.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Январь 1916 года.

8 января. В Берлине состоялась арабская демонстрация в присутствии одного из потомков Магомета, немецких товарищей министра, турецкого посла и болгарского посланника! Присутствовали представители арабов из Туниса, Алжира, Турции и Индии.

Вследствие филлелинизма французов и вялости англичан мы видим нерешительность по отношению к грекам. Кое-кто поговаривает, что греки объявят военное положение, а затем арестуют Венизелоса и его сторонников. Жюль Камбон оплакивает такую позицию. Публика здесь все еще надеется, что греки любят французов!

15 января. Мне передают, что Х. в письме к Артуру Гардинджу говорит, что мы должны умиротворить Германию уступкой ей — я думаю, следовало бы сказать возвращением — хорошей колонии! Если таково настроение в министерстве иностранных дел, то да поможет нам бог!

Я рад, что французский флаг развевается над резиденцией императора гуннов в Корфу. Грей относится неодобрительно к такому поспешному образу действий, а греки взбешены.

19 января. Общественное мнение заставит правительство установить действительную блокаду Германии, и если мы обнаружим решимость настаивать на своем, то не думаю, чтобы американцы могли сделать что-либо реальное против нас. Нам необходимо, чтобы французы были с нами.

21 января. О'Коннор рассказал мне о том, как он обратился к ирландскому собранию (в бывшем Аквариуме, ныне нонкорформистской зале в Вестминстере) в ассоциацию друзей империи, где играют и поют «Боже, храни короля», что для собрания ирландцев факт удивительный. О'Коннор — фритредер, но так же, как его друг г. Магайр, он видит, что нам придется заключить соглашение с Францией, Россией, Италией и Испанией с целью вытеснения немецких товаров. Г. Магайр отметил, что во время своего кругосветного путешествия он убедился, что немцы держат в своих руках мировую торговлю, что именно благодаря богатству, приобретенному от торговли, они смогли вынести финансовое бремя своей военной подготовки, и что если мы не отнимем у немцев их богатств, то не пройдет и нескольких лет, как они опять навяжут нам войну. При довоенном темпе развития Германия через каких-нибудь двадцать лет будет владычицей мировой торговли. Я опасаясь, что хвастовство à la Ренсимен дает тему для рассказов в нейтральных государствах и в Америке о том, что мы преследуем цель разрушить промышленность и торговлю Германии.

23 января. Я беседовал с герцогиней Д'Юзес о Польше и глупостях, которые делают там русские. К числу мелочей, вызывающих недовольство, принадлежит, между прочим, распределение знаков отличий. Извольский раздавал их богемцам, находящимся здесь в плену, и ничего не дал полякам. Далее следует почти принудительное обращение поляков в русское православие, разрушение в Польше всего, что встречалось на пути отступления русских войск, а также руссификация управления. Моя

собеседница говорит, что Франция и Англия должны настаивать на создании свободной Польши.

24 января. Сторонники Китченера все еще стремятся добиться отказа от салонической экспедиции, но им не удастся убедить здешнюю публику.

25 января. За завтраком были сегодня румынский посланник и румынский министр юстиции, Антонеско, близкий друг румынского премьер-министра. Они выдвигали всевозможные аргументы в пользу сохранения Румынией нейтралитета в настоящий момент: здесь был молот и наковальня и т. п. Но весною, когда численность союзнических войск в Салониках возрастет с 300 000 до 350 000, когда греки будут с нами, как противники болгар, а греческий король будет вынужден либо воевать, либо спасаться бегством, и если, далее, русские будут подготовлены к наступлению в Буковину, тогда вы увидите, на чью сторону станет Румыния! В настоящий момент центральные державы заняли по отношению к Румынии позицию угрозы. Оба министра критиковали обещания, данные Францией и Англией России, а также обещания этих двух держав по отношению к Италии. Италия играет роль всеобщей посредницы и миротворца, она будет настаивать перед Францией, Англией и Россией на приемлемых условиях мира для Германии, чтобы в награду получить от Германии поддержку итальянских претензий на австро-венгерские территории. Италия руководствуется правилом: не оказываться под сапогом победителя, кто бы таковым ни был. Мои румынские гости признают, что решающим театром военных действий являются Фландрия, Бельгия и Шампань; но они думают, что многочисленные фронты против Германии, т.-е. Салоники, Кавказ, Полесье, Галиция, Месопотамия предоставляют союзникам преимущество в том отношении, что заставляют Германию постоянно передвигать войска с одного фронта на другой, а это утомляет и деморализует их. Если мы будем поддерживать или даже усилим нашу блокаду, то в шине Германия окажется перед недостатком продовольствия, так как запасы к тому времени истощатся, а урожай может быть собран в Германии, Австрии и Болгарии не ранее сентября. В Вене, где румынские министры были совсем недавно, говядина стоит 14 франков за кило, цены на остальные виды продовольствия возросли в той же пропорции. Румыны говорят, что Германии не избежать в ближайшем будущем серьезных затруднений. До

тех пор, пока будут победы, будут находиться и деньги, но когда начнутся поражения, то вся постройка обрушится, как карточный домик. Румыния очень благодарна Англии за то, что последняя купила у нее 80 000 вагонов хлеба на 10 000 000 ф. ст. Германия закупила некоторое количество, и закупленное было вывезено до того, как последовало запрещение экспорта.

Мне хотелось бы знать, что скажет сегодня правительство в палате общин по вопросу о политике блокады. Никаких отступлений, несмотря на возражения со стороны Америки. Я надеюсь, что это будет сказано. Поскольку французы не живут бок-о-бок с американцами, здесь заметно гораздо больше решимости противостоять американским претензиям, чем в определенных колеблющихся кругах Лондона.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Февраль 1916 года.

2 февраля. Извольский очень нервничает из-за Швеции, Сазонов тоже.

3 февраля. Сегодня вечером я встретился на Кэ-д'Орсэ с Извольским и с Титтони; первый очень опасается нападения Швеции на Россию. Я спросил Титтони, были ли среди взятых итальянцами пленных баварцы, и если да, то почему они не были расстреляны, — ведь между Италией и Германией нет войны. Он ответил, что все такие пленники вполне en règle, так как их бумаги показывают, что они «примкнули» к австро-венгерской армии в качестве добровольцев; по его словам, таких добровольцев насчитывают несколько тысяч. Недурная комбинация!

Ради выборного успеха Вильсона американское правительство начинает занимать неприятную и недопустимую позицию, создавая особое международное право американского изделия, специально для осуществления его целей. Я надеюсь, что мы и французы отвергнем американскую идею: торговые суда не в праве иметь орудия для собственной защиты, иначе они будут рассматриваться как военные суда, и суда обязаны останавливаться по приказу подводных лодок. Предусматриваемые американским проектом компенсации со стороны Германии не могут быть ею выполнены. Как может германская подводная лодка обеспечить безопасность команде и пассажирам, прежде чем потопить судно?